

ТОЧКА ОТСЧЕТА | Трудно представить Магнитогорск без «Буратино», его спектаклей и актеров

ВЛАДИМИР МОЗГОВОЙ,
обозреватель «Новой газеты»

В «Буратино» я готов был работать поленом. Шла середина семидесятых – как нынче принято подчеркивать, «прошлого века». И про то время с определенной долей уверенности можно сказать, что если не все мы, то многие вышли из этого маленького большого театра. Лучшего театра в моей жизни.

Сразу сделаю оговорку: это не юбилейная статья к 40-летию. Такие я мог писать, когда ходил в театр, как в дом родной, когда он просто был частью моей жизни. Если представить, что первым юным и молодым зрителям теперь по 50–60 лет, делается как-то не по себе. Прожита не одна по театральным меркам жизнь, и о второй половине – если мерить большими периодами – мне говорить уже не с руки. Так что пусть извинит меня сегодняшний «Буратино», о котором, слава богу, есть что сказать нынешним его почитателям. Ну а мне, в ожидании встречи с прошлым, о прошлом и стоит напомнить...

Сотканное из нечаянного

Феномен «Буратино» не осмыслен ни на искусствоведческом, ни на социальном, ни на человеческом уровне. Об этом приходится писать с горечью и стыдом, адресуя упрек, в том числе, и самому себе. И городу, конечно – мы все в свое время упустили шанс осознать, чем обладали. По большому счету, проглядели бренд.

Конечно, это зависело не только от магнитогорцев. Может быть, меньше всего зависело от тех, кто каждый вечер заполнял маленький зрительный зал маленького здания на проспекте Карла Маркса, которое театр делил с заведением под вывеской «Кулинария». Им хватало нашей любви. Нам с лихвой хватало того, что они делали. То, что больше такого не делает никто, нас не слишком заботило. Они, кажется, тоже своей исключительностью не упивались.

Феномен соткался из нечаянного соединения судеб нескольких молодых, талантливых и не обремененных кукольным каноном людей. Как скажет много лет спустя Марк Борнштейн, не имея в виду мистическое озарение: «Что-то над нами сошлось – там, наверху». Феномен соткался из восприимчивости и готовности города принять и полюбить новый коллектив, из противоречий и препон, драматических и даже трагических моментов, сопровождавших жизнь «Буратино». Первую и главную его жизнь.

Именно время самого глухого застоя, жесткое и прекрасное, помогло этому театру стать тем, кем он стал. «Буратино» неотделим от того периода, театр возник и вырос благодаря и вопреки ему и ни в каком другом времени существовать уже не мог. Вернее, мог, но только в иной ипостаси, на ином эстетическом уровне и при другом уровне восприятия. Говоря проще: если бы силою волшебства перенести театр середины семидесятых в наше время, его, быть может, и не заметили бы.

Так что все в основном справедливо. Тот, молодой и дерзкий «Буратино», жил столько, сколько оставалось прожить стране. То есть без малого двадцать лет. Он свою роль выполнил полностью.

Красавцы, таланты, поэты

Точкой отсчета считается 7 февраля 1973 года. Премьеру «Необычайных приключений Буратино и его друзей» играли в Левобережном дворце, холодном и уютном, играло ярко и весело. Не видевшие живьем традиционного театра кукол первые зрители решили, что так и надо – не бояться живого плана, лезть сочиненные к спектаклю песни, расцветивать известный сказочный сюжет невероятными гэгами и вовсю импровизировать. Они сразу, без всяких теоретических обоснований, заявили о себе как о театре, который де-юре принадлежит определенному виду театрального искусства, а де-факто использует все достижения и выразительные средства мирового театра. В этой открытости было их и наше великое счастье. Проблемы появились позже.

Говоря «они», я имею в виду прежде всего магический творческий треугольник «Виктор Шрайман – Марк Борнштейн – Евгений Терлецкий». Ни Михаил Скоморохов, как второй по счету – после Тамары Либерман – директор и прекрасный режиссер, ни блистательный Владимир Шульга, ни другие замечательные актеры, думаю, не обидятся, что я выделяю этих троих. Харьковчане Шрайман и Терлецкий, ленинградец Борнштейн закладывали и развивали эстетические и этические принципы нового театра. На них, как на кристаллической решетке, держался весь каркас «Буратино».

Совсем бесталанных людей, как мне теперь кажется, в театре не было – каждый, кто попадал в эту непередаваемую атмосферу, имел шанс подняться над собой, вырасти и профессионально, и духовно. Лидерам трудно было соответствовать, но не попасть под их обаяние, кажется, было невозможно.

Я «пропал» осенью 1976-го, на «Трех

Сорок лет спустя

мушкетерах» – спектакле, может быть, не самом гармоничном из первой блестящей обоймы, но восхитительно романтическим, красивым, ироничным, песенным и абсолютно хитовым. В зале можно было ощутить себя как на темной парижской улочке, а в фойе во время антракта – как в кабаре, где мушкетеры под гитару пели свои веселые и немного грустные песни.

Для основы капутника на юбилейном вечере, который будет посвящен 40-летию театра, не случайно выбрали именно «Трех мушкетеров» – тема сама собой напрашивалась. Можно сказать, лежала на поверхности для былой лихой четверки – Евгения Терлецкого, Владимира Шульги, Владимира Зимина и Николая Глебова.

Театр как праздник

Думаю, что ничем не примечательное здание, в котором театр оказался весной 1973-го, тоже многое определило в их дальнейшей жизни. Ничего, что под зрительный зал пришлось приспособить бывший красный угол – нынешним молодым, вероятно, надо объяснять, что это нечто вроде конференц-зала – что скамейки были жесткие, что из всех закулисных помещений самым большим была одна на всех гримбунара. Как бы то ни было, недостатки планировки театр с невероятной виртуозностью обратил в достоинства, не справившись только с одной проблемой. Городские власти так и не захотели решить вопрос с переселением кулинарии, что с высоты нынешних лет смотрится нелепо.

Само существование «Буратино» было праздником. Свет клином на нем не сошелся и далеко не для всех театр стал предметом любви и обожания. Но даже городская власть, усилиями отдела культуры слегка – а иногда и вполне серьезно – стремившаяся ограничить влияние этой вольницы на сердца и умы молодых горожан, втайне гордилась, что в Магнитке есть такой островок свободы. И, кстати, не упускали возможности это продемонстрировать разного рода высоким гостям. Помогали театру слабо, мешали вяловато и без энтузиазма.

В принципе, театр ставил все, что хотел. Эстетические расхождения с советской идеологией можно было обнаружить чуть ли не в каждом спектакле, даже рассчитанном на младших школьников. Но это были не фиги в кармане, это тот уровень размышлений о жизни, который с полуслова и полувзгляда понимался «своими» и который не догоняли «чужие». Здесь царил дух диссидентства философского и эстетического. За человеческое в человеке и идеалы свободы здесь боролись отважно, но не бездумно, а изящно и интеллигентно.

Каждый – ну, почти каждый – спектакль

тех лет был попаданием в десятку. Виктор Шрайман и его соратники не подлаживались, не пытались угадать настроения публики и тем более угодить «большим людям». Здесь слушали себя. А то, что «услышанное» идеально попадало в резонанс со зрителями – тогда в течение многих лет вечерняя аудитория вся была продвинутой – и ставило чудо этого конкретного театра в этом конкретном месте. Здесь не играли на понижение, здесь играли только на повы-

Все, кто попадал в коллектив театра, имел шанс подняться над собой, вырасти профессионально

шению в зародыше, да и кто бы позволил возникнуть и существовать такому театру в столицах? Но даже не это самое главное. Они, в силу своей органичной непохожести на кого бы то ни было, по существу с первых шагов попали в зону отчуждения. Их не считали полностью своими кукольники и тем более не могли признать «драматические». Их можно было считать большими оговорками отнеси к «классу» театров юного зрителя, хотя и здесь они были чужими. «Буратино» долго работал как театр кукол. Название «Театр кукол и актера» появилось не сразу, но и здесь на первом месте стояло слово «кукла».

Впрочем, они не отрицались от своей профессии – большинство из театральных учебных заведений выпускались именно как кукольники. Более того – актеры драматические в «Буратино» если и приживались, то тяжело. Ведь выбор выразительных средств определялся выбором пьесы, задачами конкретного спектакля и возможностями маленькой труппы, в которой каждый человек был на счету.

За ними, как за дулочкой крысолова, пошла масса. Но у большинства последователей, даже самых талантливых, не было той совершенно сумасшедшей завкаси, которая определяла трудный и блистательный путь

«Буратино». Для кого-то этот путь оказался туликовым.

Преодоление времени

«Дом, который построил Свифт» Григория Горина – спектакль, рождавшийся весной 85-го, предвосхитил и конец эпохи, и конец того «Буратино». Он еще не наступил, но надвигался неотвратимо.

К началу 90-х они высказались до донельзя. Исход был неизбежен. Страна летела в пропасть, театр вступал в другую эпоху. Подлаживаться под нее и выживать предстояло оставшимся после ухода лидеров людям, познавшим славу, но ощутившим сиротство. Преодоление его – другая история, которой уже больше двадцати лет. И она еще продолжается.

...Что с нами стало и что стало с ними? Что осталось в нас из того времени и что мы передадим детям? Эпоха катушечных магнитофонов и винила, партсездов и соцсоревнований, рабкоров и героев соцтруда нынче так далеко, что и не рассмотреть.

Так вот – про трех основоположников «Буратино». Никто из них не потерялся. Каждый доказал, что является самостоятельной творческой единицей, в чем я не раз счастливо убеждался. Их судьбы после «Буратино» складываются по-разному, но вполне успешно.

Но все-таки наиболее полно и цельно они сумели выразить себя именно тогда в Магнитогорске. Это было «коллективное гениальное». И мы были его свидетелями.

Кстати, Виктор Шрайман, Евгений Терлецкий и Марк Борнштейн даже звания «заслуженных» не были удостоены. Михаилу Скоморохову и его вышедшей из «Буратино» пермской группе с этим повезло больше. Ну да что это меняет? ☺

В зоне отчуждения

Как они это делали, уму непостижимо. Нынче подобные условия существования были бы признаны совершенно невыносимыми. Собственно, почти весь грандиозный репертуар «Буратино» 70–80-х годов родился не благодаря, а вопреки условиям существования. Это был подвиг крошечного театра, который в те годы стал одним из ярчайших явлений на всем театральном пространстве СССР.

Это явление не успели или не захотели по достоинству оценить по многим причинам. У «Буратино» было много друзей, о нем знали в столицах, его даже выпускали

МГТУ им. Г.И. НОСОВА
АКТОВЫЙ ЗАЛ
7 ФЕВРАЛЯ 19.00

МУШКЕТЕРЫ

40 ЛЕТ СПУСТЯ

Народный артист России
ЕВГЕНИЙ ТЕРЛЕЦКИЙ (Израиль)

Владимир Шульга (Москва)

Альбина Ярославцева (Краснодар)

Заслуженный артист России
ВЛАДИМИР ЗИМИН (Иваново)

Николай Глебов (Пермь)

справки по телефону 23-57-63

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
455038, г. Магнитогорск,
пр. Ленина, 124/1,
тел. (3519) 35-95-66,
отдел рекламы: 35-65-53,
e-mail: inbox@magmetall.ru

Учредитель – открытое акционерное общество
«Магнитогорский металлургический комбинат»
(455002, г. Магнитогорск, ул. Кирова, 93).
Газета зарегистрирована в управлении
Федеральной службы по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия по Челябинской области.
ПИ № ТУ 74-00052 от 29 августа 2008 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ФРОЛОВ О. В.

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
РУХМАЛЕВ С. А.

При воспроизведении материалов «ММ» в печатном, электронном или ином виде ссылка на «Магнитогорский металл» обязательна.
Ответственность за программу телевидения, прогноз погоды редакция не несет.
За достоверность фактов и сведений ответственность несут авторы публикаций и рекламодатели.
Авторы публикаций выражают исключительно собственную точку зрения, которая может не совпадать с мнением редакции, издается и учредителя.
Письма и рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Подписано в печать 30.01.2013
по графику в 19.00, фактически в 19.50.
Заказ № 370. Тираж 77333.
Объем 4 печатных листа. Печать офсетная.
Подписной индекс 24106.
Отпечатано ЗАО «Магнитогорский
Дом печати» (455000, г. Магнитогорск,
пр. К. Маркса, 69).
Тираж сертифицирован Национальной тиражной службой.